

УДК 94(47)

Ю. Н. Кежа¹

«Собращася вси»: коллективные действия полочан во взаимоотношениях с князьями в XII в.

Аннотация: На основе анализа имеющихся летописных свидетельств, исследуются проявления коллективной активности жителей Полоцка XII в. по отношению к правившим в городе князьям. Исходя из анализа летописных сообщений, делается вывод, что большинство вечевых собраний и последующих действий полочан было вызвано экстраординарными обстоятельствами, а сами собрания полочан происходили стихийно.

Ключевые слова: Полоцк, полочане, вече, княжеская власть, Рогволодовичи, Рюриковичи.

В сообщениях древнерусских летописей, при описании событий XI–XII вв. особое место отводится социальной активности горожан в отношении местных князей. При этом, в древнерусском летописании нет четкого термина, который бы обозначал коллективные действия или политическую активность населения. Довольно часто (особенно с XII в.) в летописях употребляется термин «вече».

Следует отметить, что многочисленные коллективные проявления политической активности горожан могли характеризоваться не только словом «вече». Для городских собраний могли использоваться обозначения «свьтъ» (в значении — совет), «сънем», «дума», а также применяться глагольные формы «здумашиа рекуще», «собрашася вси».

Таким образом, слово «вече» не являлось «terminus technicus» для летописца и использовалось окказионально, наряду с другими обозначениями коллективной активности [14, с. 80]. Данное обстоятельство вполне характерно для Древней Руси с несформированными социально-политическими институтами и, следовательно, неразвитой политико-правовой терминологией².

Цель данной работы — комплексный анализ всех летописных сообщений XII в., в которых упоминаются коллективные действия жителей Полоцка по отношению к правившим в городе князьям³.

¹ Кежа Юрий Николаевич, доцент кафедры истории и туризма, кандидат исторических наук, Полоцкий государственный университет.

² Некоторые исследователи большое значение придают количеству употребления в летописях самого термина «вече» [6, с. 7]. На основании наличия слова «вече» в источниках, делаются выводы об отсутствии коллективных собраний в некоторых землях Руси [27, с. 53]. При многих упоминаниях о социальной активности полочан, слово «вече» для Полоцка упоминается только 2 раза (под 1158 г. в Ипатьевской и 1175/1176 г. Лаврентьевской летописях). Тем не менее, это не свидетельствует о том, что жители Полоцка более не собирались для принятия общественных решений и не проявляли политической активности.

³ В работе не будут рассматриваться случаи расправ с княжеским имуществом,

«Полочане»: летописный контекст и социальный состав.

Одним из субъектов социальной активности в летописных сообщениях посвященных политической жизни Полоцкой земли XII в. являются жители Полоцка — «полочане». Под наименованием «полочане», следует рассматривать терминологически нечеткие, общие понятия, которые могут относиться к различным категориям населения.

Так, например, в недатированной части Повести временных лет под полочанами подразумевается все население Полоцка и Полоцкой земли [22, стб. 6, 10–12]. Под 1092 г.,⁴ при описании эпидемии в Полоцкой земле, в отношении полочан, летописец употребляет широко распространенный в летописях термин «люди», в значении «народ», «миряне» [28, с. 318]: *«и тако уязвлѣху люди Плотьскыѧ и ѹго вѣласть. тѣмь и члѣвци глѣху. ако наевѣ бьютъ Полочаны»* [22, стб. 214–215].

О полочанах как большом сообществе упоминает Ипатьевская летопись (далее — ИЛ) при описании торжественной встречи у Друцка Рогволода Борисовича: *«и възѣхаша противу ему боле. тѣ. лодии. Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чѣстью великою. и ради бѣша ему людие»*⁵ [23, стб. 339].

Далее, в этом же сообщении говорится о разграблении в Друцке двора сына полоцкого князя Ростислава Глебовича Глеба и его дружины: *«а Гльба Ростиславича възгнаша. и дворъ его разграбиша. горожане. и дружину его. приде же Гльбъ къ ѡцю и мѧтежь быс великъ в городъ въ Полчах мнози бо хотаху Рогъволода.»* [23, стб. 339–340].

При описании коллективной расправы дручан, летописец использует обозначение «горожане», которое указывает как на городской характер коллективных собраний, так и на их широкую социальную базу [16, с. 145–146]. Помимо этого, указанием на то что в коллективных действиях горожан участвовали не только (а может и не столько) представители знати, но и рядовое население города, являются следующие свидетельства.

Во-первых, в сообщении отчетливо противопоставляется княжеская дружина и основное население города [14, с. 54]. Во-вторых, об участии рядового населения в восстании против князя и его дружины повествует сам летописец, прямо указывая на «великий мятеж» уже в Полоцке («мѧтежь быс великъ») с участием «многих» горожан («мнози бо хотаху Рогъволода»).

На широкое участие рядовых горожан в политической жизни Полоцка указывают археологические материалы. В полоцких слоях XI–XV вв. не выявлено следов боярских усадеб. В отличие от топографической структуры Новгорода, в Полоцке не обнаружено следов «кончанской» организации, что говорит об отсутствии в городе корпоративности боярских родов. По наблюдениям Д. В. Дука, полоцкое боярство, как отдельная социальная группа была юридически отделена от основной части посадского населения только

поскольку этому аспекту коллективных действий горожан были посвящены отдельные исследования [3; 17].

⁴ Здесь и далее перевод летописных дат от «Сотворения мира» в даты от Рождества Христова осуществляется с учетом исследования Н. Г. Бережкова [1].

⁵ Судя по сообщению, встречать князя полочане вместе в дручанами отправились по реке на 300 ладьях. Таким образом, общее количество встречающих князя могло превышать тысячу человек и, очевидно, состояло не только из представителей знати.

в 80–90-е гг. XV в. Это дало основание исследователю сделать вывод о большой роли свободных городских общинников в Полоцке XII в., которые были объединены в торгово-ремесленные корпорации на подобии «братчин» [8, с. 49–52]. Таким образом, в политической жизни Полоцка XII в. одну из центральных ролей играло свободное население посадов, которое отстаивало свои политические и социальные интересы⁶ [8, с. 51; 33, с. 172].

При этом, отсутствие археологических следов боярских усадеб в Полоцке XI–XIII вв., не помешало исследователю сделать вывод о большой силе полоцкого боярства в XII в. и используя метод ретроспекции сделать предположение о чересполосном расселении бояр с посадским населением, а также их проживании на Верхнем замке [8, с. 49].

Следует отметить, что помимо отсутствия археологических следов локализации полоцкого боярства в XI–XIII вв., нет упоминаний о них и в древнерусских летописях. В этой связи можно сделать предположение о социальной структуре Полоцка XII в., которая состояла из знати — князя и его окружения, проживающих до начала XIV в. на Полоцком Городище, духовенства, занимающего территорию Верхнего замка и, торгово-ремесленного посадского населения — главного участника вечевых собраний. Информации же о родовой знати («земском боярстве») не связанной с княжеской властью в источниках не представлено.

Тем не менее, отдельные летописные сообщения прямо или косвенно указывают на «полочан» как небольшую группу лиц. Под 1127 г. Лаврентьевская летопись (далее — ЛЛ) сообщает об изгнании полочанами Давыда Всеславича и принятии на княжение его брата Рогволода. Вокняжению Рогволода предшествовали переговоры с киевским князем Мстиславом Владимировичем: *«и тако Пополочане сътснувше си възгнаша Дѣда и с снѣми. и поемше Роговолода. идоша къ Мстиславу просаще и собѣ княземъ. и створи волю ихъ Мстиславъ. и поимше Роговолода ведоша и Полотьску.»* [22, стб. 299].

При участии в общем собрании большого количества горожан, представляется очевидным, что на переговоры с Мстиславом отправились люди, выступающие от имени полочан, вероятно избранные представители посадского населения.

Похожее сообщение, где говорится об участии определенного «представительства» от городского сообщества встречается в ИЛ под 1151 г. В этом году полочане лишили власти Рогволода Борисовича, а на его место пригласили менского князя Ростислава Глебовича. После этих событий, полочане заключают соглашение с новгород-северским князем Святославом Ольговичем и посылают к нему своих представителей: *«томъ же лѣтъ. аша Полочане Рогъволода. Борисовича кнѣза своего и послаша Мъньску и ту и держаща оу велицѣхъ нужи. а Глѣбовича к собѣ оуведоша. прислашася Полотьчане къ Стѣславу Олговичю. с любовью аeko имѣти ѿцѣмъ собѣ.»* [23, стб. 445]. Летописное указание *«прислашася Полотьчане»*, свидетельствует о «делегировании» жителями Полоцка полномочий небольшой группе людей.

⁶ Также, Д. В. Дуком была предложена интересная гипотеза локализации места вечевых собраний в Полоцке на территории Великого Посада, около т. наз. Церкви на Рву (Рождества Христова) [9, с. 203–211].

Спустя семь лет, в период конфронтации Ростислава Глебовича с полочанами, горожане отправляют представителей в Друцк, к князю Рогволоду Борисовичу с предложением занять полоцкий стол: «и послашасъ в таинъ к Рогъволоду. Борисовичю Дръютъску. рекуче ему кнѣже нашъ. съгрѣшили есмь к Бѣи к тобѣ» [23, стб. 494]. В этом же году в период конфликта с Ростиславом, полочане также направляют к полоцкому князю своих послов: «и начаша Ростислава звати льстью оу братьщину къ стѣи Бѣи къ Старѣи на Петровѣ днѣ..... на оутрии же днѣ начаша и вабити к собѣ рекуче. кнѣже поѣди к намъ . суть ны с тобою рѣчи поѣди же к намъ. в городѣ. бѣшетъ бо кнѣзь в то верема на Бѣлцици. и речѣ Ростиславѣ посломѣ. а вчера есмь оу васъ вчера бѣлъ.» [23, стб. 495].

Делегирование полномоchий по заключению мира предоставляется небольшой группе полочан согласно сообщению ЛЛ под 1185/1186 г. Сообщение повествует о конфликте смоленского князя Давыда Ростиславича с полочанами, закончившееся заключением мира: «Тогожѣ лѣта. на зиму иде на Полтескъ. Дѣдѣ Ростиславичѣ изъ Смолнѣска. а снѣ юго Мстиславѣ из Новагорода. из Ложьска Василко Володаревичѣ. из Дреютъска Всеславѣ. и слѣшаша Полочане. и здумаша рекуче. не може мѣ стати противу Новгородцемѣ. и Смолнѣномѣ. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще и мирѣ створимъ с ними. а много ны зла створѣтъ. попустѣт ны землю идучи до насъ. поидемъ к нимъ на сумежъе. и собрашасѣ вси. и идоша к нимѣ. и срѣтоша а на межахъ с поклономѣ и с чѣю. и даша юму дары многы и оуладшасѣ. и разидошасѣ в странѣ своѣ кождо ихъ» [22, стб. 404].

Не смотря на указание летописца о большом представительстве полочан — «собрашасѣ вси» и, вполне вероятном участии в обсуждении и принятии решения о заключении мира широких слоев населения, непосредственное соглашение не могло осуществляться большим сообществом. На это указывает информация о вручении полочанами даров Давыду, что могло осуществляться только небольшой группой лиц.

В ряде сообщений под «полочанами» подразумеваются воинские контингенты. Под 1137/1138 г. в ЛЛ при описании похода Ярополка Владимировича на Чернигов, среди воинских дружин ростовцев, смолян, венгров, галичан, берендеев, киян, переяславцев, владимирцев и туровцев, упоминаются и полочане: «Ярополку же скопивишо множество вои. Ростовциѣ. Полочанѣ. Смолнѣне. Оугрѣ. Галичане. и Берендѣевѣ. лѣ. тысячѣ. и Кѣяне. Переяславци. Володимерци. Туровци. и бѣ множество вои. и поиде Чернигову.» [22, стб. 305–306].

Судя по употреблению летописцем термина «вои»⁷, который судя по всему является обозначением профессиональных воинов, дружины в широком значении [29, с. 233], сообщение указывает на участие в военных действиях контингентов, посылаемых местными князьями для князя киевского.

⁷ Термин «вои» мог прилагаться к княжеской дружине, всему войску в целом, части войска, наемникам и т. д. Иногда воями называли представителей городских полков, которые в XII–XIII вв. приобретают определенную самостоятельность по отношению к княжеской дружине. Тем не менее их самостоятельность была ограниченной, т. к. комендовали воями княжеские воеводы, в то время как данных о земских воеводах в источниках нет [15, с. 146].

В похожем контексте следует рассматривать сообщение о противостоянии князей Рогволодовичей: упоминаемых выше Рогволода Борисовича и Ростислава Глебовича. После вокняжения в Полоцке, Рогволод в союзе с князьями Рюриковичами идет походом на Менск, вотчину Ростислава. Полочане, участники похода на стороне Рогволода обозначаются как «вои» и выступают в одном ряду с дружинами смолян, новгородцев, псковичей: *«И потомъ Рогъволодъ. съвѣкупи воѣ многы. Полчаны и Ростиславъ Мъстиславичъ. пусти ему два сна в помочь. Романа и Ририка и Внѣзда и Смолнаны и Новгородци. и Плесковичи и самъ баше пошелъ. но ворота и Аркадъ епсѣтъ Новгородъскии. и да ис Киева и поидоша на Ростислава къ Мѣньску.»* [23, стб. 496].

Воинский контингент полочан, наряду со смолянами и суздальцами участвует в 1167 г. на стороне Святослава Ростиславича в его противостоянии с Новгородом: *«а Святославъ прииде съ суздалици и с братама и со смолнаны и с полочаны к Руси»* [21, с. 220]. В следующем году, полчане вместе с смолянами, муромцами и рязанцами принимают участие на стороне братьев Ростиславичей походе на Киев: *«В то же лѣто ходиша Ростиславци съ Андрѣвичемъ и съ смолнаны и с полочаны и с муромци и с рязанци на Мъстислава къ Киеву; онъ же не бияся с ними, нъ отступи волею ис Киева»* [21, с. 220–221].

Под 1169 г., в Новгородской первой летописи младшего извода говорится о большом походе на Новгород Мстислава Андреевича, Романа и Мстислава Ростиславичей. В походе, вероятно по договоренности с отмеченными князьями, участвовал полоцкий князь Всеслав Василькович вместе с «полочанами»: *«В то же лѣто, на зиму, приидоша под Новѣгород суздалици съ Андрѣвищемъ, Романъ и Мъстиславъ съ смолнаны и с торопцаны, и с муромци и с рязанци съ двѣма князьма, и полочкыи князь с полочаны.»* [21, с. 221]. В 1191 г. полоцкий князь вместе с полочанами принимает участие в походе новгородского князя Ярослава Владимировича на Великие Луки: *«В то же лѣто ходи князь Ярославъ на Луки, позванъ полочкою князьем и полочаны»* [21, с. 230].

С середины, XII в., когда территория Руси состояла из многочисленных, относительно самостоятельных земель-княжеств, князья были не в состоянии содержать многочисленные воинские формирования. В этот период доминирующее значение в военных действиях приобретает тяжеловооруженная кавалерия, что ведет к удорожанию вооружения, которое в свою очередь, было доступно только небольшой группе лиц [2, с. 150–152]. В результате война становится делом немногочисленной привилегированной части общества — княжеской дружины (включая княжеских слуг), а также боярства [29, с. 330].

При доминирующей роли веча в политической жизни Полоцкой земли, князь был существенно ограничен в мобилизации городского населения для участия в межкняжеских конфликтах, которые прямо не касались интересов полочан. Трудно представить, что в междоусобных противостояниях князей Рюриковичей, добровольно принимало участие городское ополчение Полоцка. В данном случае, под «полочанами», наряду со «смолянами», «суз-

дальцами», «муромцами» и «рязанцами», следует рассматривать профессиональную княжескую дружину, которую местный князь посылал по договоренности со своими князьями-союзниками.

В одном сообщении под «полочанами» фигурирует городское ополчение, которое выступает как самостоятельная сила по отношению к князю. Речь идет о событиях междоусобной борьбы за Полоцк между Рогволодом Борисовичем и Володарем Глебовичем в 1161 г. полоцкий князь Рогволод вместе с воинским контингентом полочан идет войной на своего противника Володаря: *«Том же лѣтъ приходи Рогъволодъ на Володаря. с Полотчанъ к Городцю. Володаръ же не да ему полку. въднѣ но ночь въступи на нь. из города . с Литвою . и много зла створиса в ту ночь. внѣхъ избиша а другыя руками изоимаша множьство паче избъеныхъ. Рогъволодъ же въбъже въ Случьскъ. и ту бѣвъ три днѣи девъ Дрютескъ. а Полотьску нь смѣти. занеже множьство погипе Полотчанъ. Полотчане же посадиша. в Полотьски. Василковича.»* [23, стб. 519].

После тяжелого поражения, Рогволод не посмел вернуться в Полоцк, очевидно опасаясь гнева полоцкого веча. Жители Полоцка посадили на княжеский стол Всеслава Васильковича. В данном сообщении следует различать «полочан» — городское ополчение, которое участвует в битве на стороне Рогволода, но тем не менее является независимой от князя силой⁸ и «полочан» — населения Полоцка, которое правомочно изгонять князя из города в случае невыполнения им своих обязательств⁹.

Таким образом, обозначение «полочане» могло использоваться в разных значениях, а под самим термином могли подразумеваться разные социальные группы. В большинстве рассматриваемых сообщений, при описании событий которые происходят внутри города (лишение князя стола, приглашение князя на правление, либо принятие решения о заключении мира или союза) под «полочанами» можно увидеть широкие слои посадского населения без четкого социального деления. В некоторых случаях, полочане — это небольшая группа людей, которая принимает участие в заключении мирного договора или союза с князьями Рюриковичами. Также, под «полочанами» могли выступать воинские формирования участвующие в сражениях. В одном случае, это княжеские дружины. Во втором — участники городского воинского формирования, подконтрольного городскому сообществу.

Проявления социально-политической активности полочан.

Коллективные действия жителей Полоцка по отношению как к местным князьям из династии Рогволодовичей, так и князьям-Рюриковичам, потомкам

⁸ В Древней Руси существовало два типа военной организации. В городских центрах, обладавших автономией по отношению к киевскому князю, основу военной организации составляло городское ополчение, выступавшее самостоятельной силой и подчиняющееся местной власти – знати, вечу. На остальной территории, войско подчинялось княжеской власти и состояло из княжеских дружин, отрядов знати, федератов-кочевников, наемников и принудительно мобилизованных рядовых воинов [15, с. 146]. Об ополчении полоцких горожан подчиненных вечу указывал Г. В. Штыхов [32, с. 10–11].

⁹ В данном случае, князь показал себя как неумелый полководец, который проиграл сражение и потерял большое количество воинов – городского ополчения.

киевского князя Ярослава Владимировича (1019–1054) отчетливо проявляются в сообщениях ЛЛ 1127, 1132, 1185/1186 гг., ИЛ 1151, 1158, 1161, 1166/1167 гг. и Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НЛ ст) 1198 г.

Вечевая активность в Полоцке согласно летописным источникам начинает проявляться со второй четверти XII в. Коллективные действия горожан следует связывать с увеличением княжеской династии Рогволодовичей, противостоянии между отдельными представителями династии и, как следствие – общим кризисом княжеской власти. Вместе с этим, с XII в. увеличивается экономическое значение торгово-ремесленного населения городов – главного участника вечевых собраний.

С 20-х гг. XII в. жители Полоцка, его не аристократические слои выступают полноправными контрагентами в договорах с князьями. До начала XII в., согласно летописям, договорные отношения в политической жизни заключались исключительно внутри княжеской династии [25, с. 58].

Первое упоминание про активную политическую роль полочан фиксируется под 1127 г. В летописи сообщается о грандиозном военном походе на Полоцкую землю большой коалиции южнорусских князей под руководством киевского князя Мстислава Владимировича.

К началу похода, полоцким князем был Давыд Всеславич, который являлся активным союзником черниговских Ольговичей¹⁰. В южнорусской политике конца XI–XII вв. Ольговичи были главными противниками Мономахичей. К последним относился киевский князь Мстислав Владимирович. В ответ на вокняжение Давыда, Мстислав организовал грандиозную военную экспедицию в Полоцкую землю. В результате, полочане чтобы избежать разорения Полоцкой земли и самого Полоцка, пожертвовали своим про-Черниговским князем и заменили его на «про-мономаховского» Рогволода¹¹.

Летописец, описывает действия жителей Полоцка. Первоначально происходит консолидация горожан, которая в летописи обозначается как «*Полочане сътснущие си*». Основной целью собрания является лишения князя Давыда Всеславича власти и изгнание его из города, что и было осуществлено: «*въгнаша Дѣда и с снѣми*». Полоцким князем полочане выбирают Рогволода¹². Однако прежде чем возвести Рогволода на полоцкий стол, полочане «утверждают его кандидатуру» у Мстислава: «*идоша къ Мстиславу просаще и собѣ князем. и створи волю ихъ Мстиславъ*». После одобрения Мстиславом кандидатуры Рогволода, полочане вместе с последним возвращаются в

¹⁰ Так, еще в 1104 г. при описании похода войска Рюриковичей на Менск летописец отмечает, что Олег Святославич взял с собой Давыда: «*поемше Давыда Всеславича*» [22, стб. 280]. Вполне вероятно, что Давыд на момент этого похода не имел своего княжения и относился к так наз. служилым князьям, был вынужден участвовать в военных акциях более могущественных правителей [13, с. 164–170]. Таким образом, Давид Всеславич находился под контролем Олега, которого он рассчитывал использовать в качестве претендента на полоцкий стол.

¹¹ «*и тако Пополочане сътснущие си въгнаша Дѣда и с снѣми. и поемше Роговолода. идеша къ Мстиславу просаще и собѣ князем. и створи волю ихъ Мстиславъ. и поимше Роговолода ведоша и Полотьску.*» [22, стб. 299]/

¹² Вероятно под выбором или своего рода «назначением» нового князя следует воспринимать следующую фразу летописца – «*и поемше Роговолода.*».

Полоцк, где и происходит его окончательное утверждение в качестве полоцкого князя: «и поимше Роговолода ведоша и Полотьску».

В этих событиях, обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, ограничиваясь выбором князя исключительно из числа полоцких Роговолодовичей, сообщество полочан руководствовалось назначением конкретного князя в зависимости от политической ситуации на юге Руси. Ориентация отдельных ветвей полоцких князей на Ольговичей (потомков Олега Святославича) и Мономашичей (потомков Владимира Мономаха) зачастую определяли политические действия полочан во взаимоотношениях со своими князьями.

Во-вторых, показательно, что полочане отправляясь с посольством к киевскому князю берут вместе с собой Роговолода. Об этом свидетельствует глагол «поемше»-«поимше» («взявши»), который употребляется как перед отправлением полочан к Мстиславу («и поемше Роговолода . идоша къ Мстиславу»), так и после их возвращения в Полоцк («и поимше Роговолода ведоша и Полотьску»). Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в своем большинстве, кровнородственный коллектив Роговолодовичей (по крайней мере до конца первой трети XII в.) консолидированно находился в Полоцке. В начале столетия на всех сыновей Всеслава уделов не хватало, тем не менее они в полной мере могли претендовать на власть в княжестве и осуществлять властные функции [12, с. 9–10]. Данная ситуация характеризуется как стадия братского совладения, которая выражалась в праве осуществление властных функций без территориальных разделов [20, с. 132–179].

Следующее сообщение, где проявляется политическая роль полочан, встречается в Лаврентьевской летописи под 1132 г. Полочане изгоняют из города Святополка, сына киевского князя Мстислава: «Полочане же рекше лишається насъ. и възгнаша Стѣполка. а Василка посадиша Стѣславича» [22, стб. 302].

Изгнанию князя-Рюриковича предшествовал очередной конфликт между полочанами и Мстиславом Владимировичем. В 1130 г. был нарушен договор между Роговолодовичами и Мстиславом, который заключался в оказании военной помощи южнорусским князьям в борьбе с половцами [26, с. 99–111]. Мстислав отправил в Полоцкую землю своих воевод. Полочане лишили Роговолода власти, очевидно опасаясь за безопасность города. Полоцких князей привезли в Киев, после чего Мстислав направил их в Византию к императору Иоанну Комнину¹³. В Полоцке утвердился сын Мстислава Изяслав, который спустя два года 1132 г. был заменен на Святополка. В этом же году Святополк Мстиславич был изгнан из города.

В данном случае, стоит обратить внимание на особенность реализации принципа отношений князя с городским населением. Несмотря на разделение Роговолодовичей на отдельные семейные ветви, среди полочан сохраняется представление о единстве и «корпоративности» полоцкого княжеского дома, что подтверждается избранием на полоцкое княжение исключительно представителей полоцкой княжеской династии [5, с. 219; 30, с. 84]. Святополк, как князь, не принадлежащий к полоцкому княжескому дому, не мог

¹³ В Византию были высланы Давид, Ростислав, Святослав, Василий и Иван.

на долго закрепиться в Полоцке. Показательно, что вместо Святополка, полоцкий стол занял представитель Рогволодовичей, внук Всеслава Брючиславича — Василько Святославич.

Также, в данном сообщении, можно обнаружить определенную ритуально-правовую процедуру, которую использовали полочане по отношению к правителю. Перед тем, как осуществить изгнание князя из города, полочане (по всей вероятности несколько представителей от всего городского сообщества) объявляли князю об утрате его властной легитимности — *«лишается насъ»*¹⁴, что означало, говоря современным языком: «утрату/отсутствие общественного доверия».

Роль полочан в политической жизни княжества особенно сильно начинает проявляться с 50-х гг. XII в. Отчетливо наблюдаются два параллельных процесса. С одной стороны идет активная борьба за власть между представителями полоцкой княжеской династии, с другой — происходит расширение владения минской ветви Рогволодовичей, потомков Глеба Всеславича [10, с. 38]. К этому периоду относятся два наиболее показательных события, характеризующих взаимоотношения жителей Полоцка с князьями-Рогволодовичами.

После восстановления и укрепления власти Глебовичей, старший сын Глеба Всеславича Ростислав утверждается на полоцком столе. Согласно Ипатьевской летописи, в 1151 г., полочане изгнали из города Рогволода Борисовича, который в последующем был заключен в Менске, а на его место поставили Ростислава¹⁵.

События 1151 г. подтвердили доминирующее значение горожан в политической жизни Полоцкой земли. Население города было решающей силой в борьбе князей Рогволодовичей за полоцкий стол. После вокняжения Ростислава, полочане обратились к новгород-северскому князю Святославу Ольговичу с просьбой о заступничестве [23, с. 231]. Глебовичи поддержали Ольговичей и заключили с ними союз¹⁶. События 1151 г. вновь показывают тенденцию к политической зависимости полоцких горожан от политической ситуации на юге Руси. Приоритет полочан в выборе князя во многом исходил из ориентации полоцких князей на того или иного князя Рюриковича исходя из политической конъюнктуры.

Под 1151 г. летописец впервые фиксирует коллективную клятву жителей Полоцка перед князем: *«с любовью аеко имъти ѿцъмъ собъ. и ходити в послу-*

¹⁴ Данная фраза содержится в Лаврентьевской летописи, которая восходит к Владимиро-Суздальскому летописанию. Полоцкого летописания не сохранилось. В этой связи применение летописцем данного выражения к полоцким событиям можно рассматривать не как дословное употребление этой словесной формулы полоцкими горожанами, а как существование некоей процедуры, которая предусматривала обращение к князю со стороны городского сообщества о лишении его княжения.

¹⁵ *«томъ же лѣтъ .аши Полочане Рогъволода. Борисовича кнѣзъ своего и послаша Мъньску и ту и держаша оу велицъхъ нужи. а Гльбовича к собъ оуведоша. прислашася Полотьчане къ Стѣславу Слговичю. с любовью аеко имъти ѿцъмъ собъ. и ходити в послушаньи его. и на томъ целоваша хрѣтъ.»* [23, стб. 445].

¹⁶ В 1144 г. Ростислав Глебович вместе с Всеволодом Ольговичем принимал участие в походе против Владимира Володарьевича Галицкого [23, стб. 309].

шаны его. и на том целоваша хрстъ». Это первое упоминание договорных отношений в Полоцке между горожанами и князем [25, с. 61].

В 1158 г. переориентация политики Рогволода Борисовича на Святослава Ольговича и Юрия Владимировича обозначила изменение приверженности полочан в выборе князя. Рогволод Борисович был освобожден из менского заключения по требованию Юрия Владимировича и при поддержке Святослава Ольговича сел в своей вотчине — Друцке. В этом же году по инициативе и при активном участии полочан, Рогволод сменил на полоцком столе Ростислава Глебовича [23, стб. 493–495].

В сообщении ИЛ содержится информация о ключевой роли горожан в событиях связанных с приглашением Рогволода и его последующей интронизацией. Перед тем как занять полоцкий стол, Рогволоду оказывают поддержку жители Друцка и князь входит в город.¹⁷

Фраза, *«и възъхаша противу ему боле. т(300) лодии. Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чстью великою»* по смыслу аналогична сообщениям о начале ритуала интронизации, характерной для других городов Руси, в частности для Киева и Новгорода (*«и вѣидоша противоу емоу множество народа»*) [23, стб. 327]. Данная процедура соответствует торжественной встречи князя за пределами города с последующим входом в городское пространство [Кежа, монография, с. 29–30]. О самом вокняжении Рогволода в Полоцке летописец сообщает в конце летописной статьи посвященной полоцким событиям 1158 г.: *«и вниде Рогъволодъ Полотъску мѣца июла. и съде на столъ дѣда своегъ. и ѿца своего. с чстью великою. и тако бѣша ради. Полчане»* [23, стб. 493].

Сравнивая это сообщение с упоминаниями о вокняжениях в других землях, следует отметить, что роль городского сообщества в церемонии интронизации в Полоцке имеет сходства с Киевом, Новгородом и другими городами Руси. Начинается ритуал со встречи князя представителями городского сообщества, епископом и духовенством за пределами города. Князь торжественно входит в город где его приветствуют жители. Затем происходит богослужение в главном храме города — соборе Св. Софии. Кульминационной фазой ритуала было посажение полоцкого князя на стол (престол) — действие, которое легитимизировало его власть в глазах населения [4, с. 17–35; 24 с. 118–127; 31, с. 140–149].

При описании взаимоотношений князя с полочанами в сообщении 1158 г. отдельно стоит отметить, что еще будучи полоцким князем, Ростислав Глебович с целью успокоить восставших полочан вручает дары городскому населению: *«и матежь бѣс великъ в городъ въ Полчах мнози бо хотаху Рогъволода. ѡдва же оустанови людье Ростиславль и ѡдаривъ многыми дарми и води а къ хусъ»* [23, стб. 494]. После вручения даров, между Ростиславом и полочанами был заключен договор в форме крестоцелования, что должно было вновь легитимизировать его властные полномочия.

В последующем, полочане все же замыслили (*«свѣтъ золь свѣщаша»*) лишить Ростислава Глебовича полоцкого княжения. Для того, чтобы осуще-

¹⁷ *«и възъхаша противу ему боле. т(300) лодии. Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чстью великою. и ради бѣша ему людие. а Гльба Ростиславича (из Полоцка — Ю. К.) възгнаша. и дворъ его разграбиша. горожане. и дружину его»* [23, стб. 493].

ствить над Ростиславом расправу, полочане пригласили князя на пир: «и начаша Ростислава звати лъстью оу братьщину къ стѣи Бѣи къ Старѣи на Петровѣ днѣ да ту имуть и. ѿн же ѣха к нимъ» [23, стб. 495].

Примечателен факт организации коллективного пира (братчины), устроенным в период христианского праздника — дня св. Петра и Павла, совпавшего с политическим собранием (вечем). Таким образом, при взаимоотношениях князя и городского населения, большое значение приобретают институты даров и коллективных пиров. Данное событие напрямую соотносится с распространенными социальными практиками, берущими начало еще в раннесредневековых «варварских» обществах, где праздники, коллективные пиры и дары связаны с политической активностью свободного населения [18, с. 139–140].

Вскоре после данных событий, Ростислав Глебович покидает город, вместо него на полоцком столе утверждается Рогволод Борисович. Возвращение Рогволода на полоцкое княжение было утверждено договором («рядом») заключенным между князем и городским сообществом: «да аще ныне поманеши всего того. иже створихомъ своимъ безумиемъ. и хрѣтъ к намъ цѣлуеши то мы людие твое. а ты еси нашъ кнѣзь а Ростислава ти емше. вдамъ в ручѣ. а еже хоцещи то створиши ему. Рогъволодѣ. же цѣлова к нимъ хрѣтъ. на томъ аeko не поманути ему всего того. и ѿпусти а въ своаси» [23, стб. 494–495]. Полоцкий князь принимал условия договора, который предусматривал выполнение им определенных обязательств. Таким образом, с середины XII в. известно о заключении договора — «ряда» соглашения между полочанами и отдельными князьями-Рогволодовичами¹⁸.

Следует обратить внимание, что в обращении полочан к Рогволоду, впервые упоминается правовое понятие княжеской «вины», как непосредственной причины восстания против князя: «и послашасъ в таинъ к Рогъволоду. Борисовичю Дръютъску. рекуче ему кнѣже нашъ. съгрѣшили есмъ к Бѣи и тобѣ. ѿже въстахомъ на тѣ. без вины. и жизнь твою. всю разазграбихомъ. и твоеа дружинъ. а самого емше въдахомъ тѣ Глѣбовичемъ. на великую муку» [23, стб. 494; 25, с. 63]. Полочане каются перед Рогволодом, т. к. лишили его власти и разграбили его имущество «без вины» и предлагают ему заменить на полоцком столе Ростислава.

Следующее сообщение о коллективных действиях полочан по отношению к правителю относится к 1161 г. В это период происходит противостояние княжившего в Полоцке Рогволода Борисовича и менского князя Володаря Глебовича, брата Ростислава¹⁹. После поражения Рогволода и его бегства в

¹⁸ Следует обратить внимание, что договор в форма крестоцелования между горожанами и князем заключался не только при занятии князем полоцкого стола, но и в периоды нестабильности. Подтверждением тому служит предыдущее сообщение о заключении договора между Ростиславом и полочанами: «и матежь бѣсъ великъ в городѣ въ Полчахъ мнози бо хотяху Рогъволода. ѿдва же оустанови людѣ Ростиславль и ѿдаривъ многыми дарми и води а къ хусъ» [23, стб. 494].

¹⁹ «Том же лѣтъ приходи Рогъволодѣ на Володарѣ. с Полотъчанъ к Городцю. Володаръ же не да ему полку. въднѣ но ночь въступи на нь. из города. с Литвою. и много зла створиса в ту ночь. ѿнѣхъ избѣша а другыае руками изоимаша множество паче избѣенныхъ. Рогъволодѣ же въбѣже въ Случьскъ. и ту бѣвъ три днѣи девъ Дръютескъ.

Слуцк, полочане «сажают» на полоцком столе Всеслава Васильковича. Употребление летописцем выражения «*Полотчане же посадиша*» свидетельствует о городском сообществе полочан как активном субъекте властных отношений. Горожане выбирают князя из Рогволодовичей. Именно выбором полоцкого князя Всеслава можно объяснить то, что победивший Володарь не стал полоцким князем, так как этого не захотели жители Полоцка²⁰.

В 1166/1167 г. Володарю Глебовичу все же удалось утвердиться в Полоцке. После победы в противостоянии с Всеславом Васильковичем, Володарь заключает договор с полочанами: «*Володарь же вниде. в Полтескъ. и цълова хрстъ с Полтъцаны*» [23, стб. 526]. Так же как и в событиях 1151 и 1158 гг. упоминается о крестоцеловании как особой форме заключения договора между горожанами и князем, что указывает на заключение договора-«ряда» как обязательную процедуру занятия полоцкого княжеского стола.

Интересное сообщение о коллективном принятии политического решения полоцким городским сообществом содержится в ЛЛ под 1185/86 г. Для предотвращения нападения на Полоцк коалиции во главе со смоленским князем Давыдом Ростиславичем, полочане принимают решение о заключении соглашения. Представители полоцкого городского сообщества встречают Давыда на границе Полоцкой земли и вручают смоленскому князю дары²¹.

Вручению даров Давыду предшествуют некоторые процедуры. Сначала полочанами собирается вече для принятия решения: выступать ли против коалиционного войска или договариваться с его главным организатором. Летописец указывает на собравшийся совет горожан — «*здумаша рекуще*». После того, как было принято решение заключить мир, полочане направляются к границе Полоцкого княжества («*на сумежъе*»), где происходит торжественная встреча Давыда Ростиславича («*с поклономъ и с чсью*») и сама процедура вручения даров — «*и даша ъму дары многы и оуладишася*». Под значением слова «*оуладишася*» можно предполагать заключения договора о мире [19, с. 1194].

В данном сообщении на наш взгляд показательной является роль полочан, политические действия которых осуществляются без участия полоцкого князя. Этот казус позволяет говорить о полочанах как самостоятельных ак-

а Полотьску нъ смъгити. занеже множество погипе Полотчанъ. Полотчане же посадиша. в Полотьски. Василковича.» [23, стб. 519].

²⁰ Выражение «*посадиша*» также используется летописцем при описании событий в Полоцке 1132 г. когда полочане выгнали ставленника киевского князя Святополка Мстиславича, а на его место утвердили Василько Святославича: «*Полотчане же рекше лишаеця насъ. и възгнаша Стѣполка . а Василка посадиша Стѣславича*» [22, стб. 302].

²¹ «*Тогожъ лѣта. на зиму иде на Полтескъ. Дѣдъ Ростиславичъ изъ Смолинъска. а сѣбъ ѡго Мстиславъ из Новагорода. из Ложьска Василко Володаревичъ. из Дреютьска Всеславъ. и слъзаша Полочане. и здумаша рекуще. не може мѣ стати противу Новгородцемъ. и Смолъномъ. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще и миръ створимъ с ними. а много ны зла створатъ. попустятъ ны землю идучи до насъ. поидемъ к нимъ на сумежъе. и собращася вси. и идоша к нимъ. и срѣтоша а на межахъ с поклономъ с чсью. и даша ѡму дары многы и оуладишася. и разидошася в страны своа каждо ихъ*» [22, стб. 404].

торах внешней политики. Князя Рюриковичи (Ростислав и Мстислав) признавали полочан равноправными контрагентами в договорных отношениях [25, с. 66].

Похожее сообщение встречается в НЛ ст под 1198 г. После того, как полочане отправились в военный поход на Великие Луки, новгородский князь Ярослав Владимирович вместе с союзными войсками выступил против Полоцка: *«На ту же зиму ходи князь Ярославъ съ новъгородъци и съ плъсковици и съ новотържъци и съ ладожаны и съ всею областю Новгородскою къ Полотъску, и устретоша полоцяне съ поклономъ на озъре на Касъиле; и възъмъше миръ, възвратишася Новугороду»* [21, с. 44]. В сообщении не упоминается князь, который действовал вместе с полочанами. Вновь, как и в 1185/1186 г. жители Полоцка выступают самостоятельной силой в заключении политического договора с новгородским князем.

Таким образом, коллективные действия городского населения Полоцка во взаимоотношениях с князьями проявлялись в различных формах. В основном это были действия, касающиеся лишения князя стола или наоборот, приглашение («посажение») князя на стол. Одной из ключевых процедур взаимоотношений между горожанами и князем был акт крестоцелования — заключение договора-«ряда» между князем и населением Полоцка. Договор («ряд») между князем и горожанами носил устный характер, что говорит об архаических формах ведения политического диалога. Отсутствие документа предусматривало отношения, основанные на взаимном доверии скрепленного клятвой [7, с. 33].

Согласно летописным источникам, данные действия осуществляются исключительно в отношении Рогволодовичей. Местных князей полочане сажают на полоцкий стол в 1127, 1132, 1151, 1158, 1161, 1166/1167 гг. [22, стб. 299, 302; 23, стб. 445, 493–494, 519, 526]. Трижды, согласно сообщениям летописей, князей-Рогволодовичей из Полоцка выгоняют (1127, 1151, 1158 гг.) [22, стб. 299; 23, стб. 445, 493–494].

По отношению к князьям-Рюриковичам, полочане проявляют бо́льшую лояльность. Сообщения, описывающие взаимоотношения полочан и Рюриковичей носят договорной характер, когда полочане в связи с военной угрозой вынуждены пойти на уступки южнорусским князьям: 1127, 1151, 1185/1186, 1198 гг. [22, стб. 299, стб. 404; 23, стб. 445; 21, с. 44]. Единственный раз упоминается об изгнании полочанами князя-Рюриковича Святополка Мстиславича в 1132 г. [22, стб. 302].

В описании коллективной активности полочан не упоминаются действия, связанные с осуществлением высшего суда, а также вопросы, касающиеся ведения внешней политики (заключение войны и мира).²² Исходя из

²²В качестве примера того, что в компетенцию вече входят вопросы о заключении войны и мира Г. В. Штыхов приводит уже упоминаемое сообщение о заключении договора между полочанами и смоленским князем Давыдом Ростиславичем 1185/1186 г. [5, с. 219; 22, стб. 404]. При этом, общий контекст сообщения не говорит о том, что собрание полочан являлось политическим институтом с регламентированными функциями и полномочиями ведения внешней политики. Собрание полочан произошло спонтанно (*«и слышаша Полочане. и здумаша рекуще.»*) и было вызвано чрезвычайными обстоятельствами — угрозой военного похода коалиции

анализа летописных сообщений, большинство вечевых собраний и последующих действий полочан было вызвано экстраординарными обстоятельствами, а сами собрания полочан происходят стихийно. В 1127, 1151, 1185/1186 гг. — это прямая или опосредованная внешняя угроза со стороны князей Рюриковичей. В 1161 и 1166/1167 гг. замена князей на полоцком столе стала следствием военных конфликтов между князьями Рогволодовичами. События 1132 и 1158 гг. следует рассматривать как мятеж против правивших в городе князей.

Полоцкое вече, как собрание горожан не являлось социально-политическим институтом с регламентированными функциями власти и управления. Также не имеет существенного смысла делать четкие выводы о социальном руководстве вечевыми собраниями. Безусловно, любое сообщество, которое собирается для решения общественных проблем имеет свое руководство или представительство. Анализируя летописные сообщения, можно сделать вывод, что непосредственное участие в городских собраниях принимало свободное посадское население, которое могло включать различные социальные слои (купечество, ремесленников). Вече было лишь одним из нескольких обозначений реализации коллективной воли этого населения.

Библиография

1. Бережков Н. Г. Хронология древнерусского летописания. М.: АН СССР, 1963. 376 с.
2. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 381 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2007. 800 с.
4. Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 17–35.
5. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал: М. Касцюк і інш. Мн.: Экаперспектыва, 2000. 351 с.
6. Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы: 2004 год: Политические институты Древней Руси / Отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 3–163.
7. Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.). Минск: Беларуская навука, 2015. 465 с.
8. Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.
9. Дук Д. У. Размяшчэнне вечавай плошчы ў Полацку (па выніках археалагічных раскопак у 2011 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 25. М.: Беларуская навука, 2014. С. 203–212.

князей. Принятию решения предшествовало обсуждения дальнейших действий: *«не може мы стати противу Новгородцем. и Смольном. аще попустимъ ихъ в землю свою. аще и миръ створимъ с ними. а много ны зла створать. попустят ны землю идучи до насъ.»* И только после обсуждения, было принято окончательное решение: *«пойдемъ к нимъ на сумежъе.»* Таким образом, заключение мира с Давыдом Ростиславичем было коллективным решением полочан, вызванное необходимостью предотвратить нападение на Полоцкую землю.

10. Заяц Ю. А. Меньск и его пригороды // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 24. Мн.: Беларус. навука, 2013. С. 38–55.
11. Жежа Ю. М. Абрад інтранізацыі полацкіх князеў Рагвалодавічаў: агульнае і адметнае // Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XXI): манаграфія. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. С. 25–32.
12. Жежа Ю. Н. Существование коллективного («братского») типа власти в полоцкой княжеской династии XII в. // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Материалы Летней научно-образовательной школы 17–23 сентября 2017 г. Смоленск, Изд-во СмолГУ, 2018. С. 6–14.
13. Котляр Н. Ф. Княжеская служба в Киевской Руси. СПб.: Наука, 2017. 242 с.
14. Лукин П. В. Вече: социальный состав // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33–147.
15. Лукин П. В. Вои // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 146–147.
16. Лукин П. В. Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» // Российская история. 2014. № 4. С. 140–146.
17. Лукин П. В. Вечевые расправы в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2007. С. 141–148.
18. Лукин П. В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей: Человек в истории. Феодализм перед судом историков. 2006. С. 134–150.
19. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Трудь И. И. Срезневского. Т. 3. Санкт-Петербург, 1912.
20. Назаренко А. В. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М.: Индрик, 2008. С. 132–179.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 576 с., ил.
22. Полное собрание русских летописей: Т. 1 Лаврентьевская летопись. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. 379 с.
23. Полное собрание русских летописей: Т. 2 Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 638 с.
24. Ричка В. «Владимиръ на столъ» (Обряд інтронізацыі в Кііўській Русі) // Ruthenica. 2007. Т. VI. С. 118–127.
25. Родэвальд Ш. «Пра Полацкую Венецыю». Калектыўныя дзеянні сацыяльных груп горада паміж Усходняй і Цэнтральнай Еўропай (Сярэднявечча, ранні Новы час, XIX ст. — да 1914 г.). Мінск: 2020. 632 с.
26. Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2(12). С. 99–111.

27. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 244 с.
 28. Благова Э., Цейтлин Р. М., Геродес С. и др. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
 29. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М.: Индрик, 2012. 656 с.
 30. Тарасаў С. В. «Белыя плямы» полацкай археалогіі і гісторыі / Зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара. Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / Пад агуль. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача. Наваполацк. ПДУ, 2009. С. 79–91.
 31. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наук. думка, 1992. 224 с.
 32. Штыхов Г. В. Древнейшие города Белоруссии. Мн., 1966. 94 с.
 33. Штыхов Г. В. Принципы анализа материалов о возникновении и развитии городов Древней Руси // Študijne zvesti archeologickeho ūstavu slovenskeje akademie vied. T. 25. Nitra, 1988. С. 169–176.
-

Yu. N. Kezha

**Collective actions of Polotsk residents in relations with princes
in the XII century**

Abstract: On the basis of the analysis of the available chronicle evidence, the manifestations of the collective activity of the inhabitants of Polotsk of the XII century are being investigated. in relation to the princes who ruled in the city. Based on the analysis of chronicle messages, it is concluded that most of the veche meetings and subsequent actions of the Polotsk residents were caused by extraordinary circumstances, and the meetings of the Polotsk residents themselves took place spontaneously.

Key words: Polotsk, Polotsk inhabitants, veche, princely power, Rogvolodovichi, Rurikovichi.
